

Война — игра власти, но корень страданий простого народа. Наблюдая за пейзажем, где на сотни ли вокруг зачастую не встретишь ни души, Кевин невольно предавался подобным размышлениям.

За десять с лишним дней пути верхом на Ядовитом Волке они повидали слишком много запустения. Один за другим попадались пустые города, где в домах, лишившихся хозяев, проросла дикая трава, а пожухлые стебли, колеблемые ветром, выглядели донельзя уныло. Поля на окраинах были заброшены целыми пластами: среди некогда аккуратных грядок теперь колосились лишь безымянные сорняки. Изредка им попадались беженцы — те, кому чудом удалось выжить. Их никогда не было больше десятка, и в основном это были немощные старики или больные, влачившие жалкое существование в медленно разрушающихся селениях.

Путники видели такое не раз, но сердце их не очерствело. Напротив, чем больше они сталкивались с подобным, тем сильнее разгорался в них гнев. Ведь все они — соплеменники Зверолюдей, пусть разных видов, но всё же дети Зверинного Бога.

Столь масштабное истребление народов было невыносимым для тех, кто ехал на спине Ядовитого Волка, их ярость была на грани срыва.

Однако Ватт сохранял хладнокровие: для существа Машинной Жизни ясный ум — ключ к точности вычислений и суждений. Он раз за разом перебирал обрывочные воспоминания того Человека-Льва, которого замучил до смерти Линь Жуй, пытаясь определить направление движения. После тщательного анализа Ватт узнал очертания городка, мимо которого они проходили, и, глядя на величественную каменную арку у ворот, обратился к остальным:

— Мы почти на месте. Отсюда до Ванчэна клана львов уже недалеко.

Когда голос Ватта, в котором смешались возбуждение и легкая тревога, достиг их ушей, все взгляделись в ту самую арку. Хотя за весь путь они видели немало подобных сооружений, это привлекло особое внимание, ибо выглядело куда внушительнее прочих.

Арка была высечена из белого камня, название которого никто не знал. Четыре параллельных столба образовывали три прохода разной высоты: центральный — пошире, боковые — поуже. Но даже боковых пролетов с лихвой хватило бы, чтобы Ядовитый Волк прошел там в полный рост. На столбах виднелись вырезанные облачные узоры и некие знаки, напоминавшие тотемные символы. Венчала конструкцию массивная каменная перекладина, украшенная резьбой, а в самом центре, кажется, когда-то были высечены иероглифы. Однако, как и другие узоры, за долгие годы под воздействием ветра и дождей надпись стерлась, став неразборчивой, вторя облику самого городка с его низкими стенами — таким же бесконечно древним и усталым.

Миновав арку, они приблизились к границе городка. Низкая стена, поросшая зеленым мхом, выглядела как обветшалый свиток. Она была настолько невысокой, что Ядовитый Волк мог бы легко перемахнуть через нее, но Ватт не стал этого делать. Они осторожно въехали под арку городских ворот, и, несмотря на то, что зверь сжался, его мощное тело все же задело и

раскрошило часть каменной кладки проема.

Внутри город выглядел еще более дряхлым: в щелях черепицы на крышах почти каждого дома зеленела трава, а местами пробивались даже молодые деревца. Но, в отличие от других мест, где они бывали, здесь у обочин и в углах стен не было сорняков. Только по этому Кевин в одно мгновение понял: в этом городке до сих пор живут люди, пусть сейчас на улицах и не видно было ни души.

Ядовитый Волк медленно двинулся по главной улице. К счастью, она оказалась достаточно широкой, и зверь не задевал здания по бокам.

Ватт не хотел допустить повреждений: в его глазах дома с высокими, загнутыми вверх карнизами были настоящими произведениями искусства. Деревянные элементы под карнизами, двери и оконные рамы были покрыты изысканными узорами и яркими красками, которые, несмотря на следы времени, не утратили былого очарования.

Линь Жуй даже спрыгнул на землю и, идя под карнизами, с интересом разглядывал сложные деревянные сочленения — стропила, уложенные одно к другому с невероятной аккуратностью.

Однако они уже почти прошли город насквозь, а людей так и не встретили. Линь Жуй, озиравшийся по сторонам, начал нервничать. Он занес ногу, собираясь выбить дверь, но в последний момент заколебался и опустил её — у него просто не поднялась рука крушить алое дерево, покрытое искусной резьбой с цветами, птицами и зверями.

Ватт усмехнулся. Его фигура на спине Ядовитого Волка обрела четкость. Он огляделся и указал на один из близлежащих дворов. Лун Хай, поняв его без слов, даже не снимая своего Гнева Зверинного Бога, лишь подхватил тяжелую золотистую саблю с широким обухом и одним прыжком взлетел на крышу. Приземлился он тяжело, не заботясь о сохранности древней черепицы, и с треском проломив её, спрыгнул во двор за домом.

Спустя мгновение раздался шум, и входная дверь, выходившая на улицу, с грохотом распахнулась. От мощного удара одна из створок слетела с петель, с лязгом ударившись о стену, и повисла на одном креплении, выглядя весьма жалко. Лун Хай, стоя в дверном проеме, выпрямился, и в следующую секунду прижал к горлу старика свою саблю. Холодное сияние лезвия, отражавшееся на бледном лице старика, придавало Лун Хаю вид свирепого разбойника.

Ватт в душе покачал головой: похоже, Лун Хай окончательно заразился дурными привычками Кевина. За время пути Кевин только и твердил, что о бандитах, и Лун Хаю, видимо, образ лихого головореза пришелся по душе больше, чем образ героя.

Старика, толкаемого в спину, привели к Ядовитому Волку. Его лицо было мертвенно-бледным от ужаса. Следом, держа в руках палки, ножи и вилы, робко плелись слуги, которые не знали, то ли нападать, то ли бежать прочь.

Кевин, увидев это, хмыкнул и засуетился, спрыгивая со спины зверя. В последнее время сражений почти не было, поэтому он не надевал свою темно-золотую косяную броню — ему казалось, что только такой железный консервный банк, как Ватт, может постоянно ходить в доспехах. На нем была простая одежда: высокие кожаные ботинки, свободные камуфляжные штаны и облегающая майка, которая еще сильнее подчеркивала атлетизм его мускулистой фигуры. На плечи был небрежно накинут халат, а любимый револьвер, как всегда, покоился в набедренной кобуре.

Приземлившись, Кевин расплылся в широкой улыбке, быстро подошел к старику, которого держал Лун Хай, и бережно убрал лезвие сабли от его шеи. Затем, поправив старику воротник, который помялся в руках Лун Хая, он застегнул оторвавшиеся пуговицы.

— Как можно так обращаться с пожилым человеком? — Кевин бросил суровый взгляд на Лун Хая, а затем снова, лучезарно улыбаясь, посмотрел на старика. — Прошу прощения, старец. Он человек грубый, напугал вас.

— Ни-ничего страшного, — старик был так напуган выходкой Лун Хая, что едва держался на ногах. Но ужас от сабли был лишь физическим — стоило ему взглянуть на лицо Кевина, на этот жуткий шрам от уголка глаза до челюсти, как его охватил ледяной страх. Эта мерзкая, приторная улыбка Кевина пугала его не меньше, чем дьявол. — Могу ли я узнать... как величать героя? И зачем пожаловали к старому человеку?

Кевин и понятия не имел, какое впечатление производит его улыбка. Он внимательно разглядывал старика и даже не заметил, как слуги, стоявшие за спиной Лун Хая, давно разбежались, побросав оружие прямо на землю. Старик был невысок, даже ниже Лун Хая на полголовы. Длинный халат на его шуплом теле при дуновении ветра придавал ему некий налет книжной утонченности. У него были странные глаза: радужка гораздо больше, чем у обычных людей, а зрачок — вертикальный, как лезвие меча, разрезающий бледно-желтый круг пополам. По обе стороны носа, от уголков глаз до скул, проходили слезные борозды, выделявшиеся на фоне белого меха. Пара треугольных ушек на макушке, хоть и небольших, постоянно подергивалась. Руки старик прятал в широких рукавах. В целом же Кевину старик напоминал белого котенка, которого он держал сотни лет назад. Кевин загнал эту мысль поглубже и, когда старик заговорил, гордо ответил:

— Достопочтенный старец, мы путешественники из-за границ. И, как вы верно подметили, я и этот Ватт — герои. А меня зовут Кевин.

От слов Кевина старика едва не перекосило. Если бы этот тип, похожий на юаньца, не выглядел столь угрожающе, он бы уже показал ему, где раки зимуют. Впервые он видел, чтобы кто-то сам называл себя героем. Наглее некуда! Старик быстро окинул взглядом группу: здоровяк на спине зверя — явно из юаньцев, тот, в глухих доспехах, — вообще непонятно кто, а оставшиеся двое юаньцев не внушали ему особого опасения. Пальцы старика, скрытые в складках халата, сжались, и из них показались, а затем втянулись обратно острые когти.